МУЗЫ ПУШКИНА

Аглая Давыдова

БИОГРАФИЯ

В ноябре 1820 года Александр Львович Давыдов, сводный брат генерала Н. Н. Раевского, пригласил Пушкина приехать из Кишинева погостить в свое имение Каменку. Небольшой отпуск его затянулся на два месяца. Пушкин в эти дни писал Н. Гнедичу: "Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. - Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов".

Женщин действительно было мало, но одна из них была заметна. Центром притяжения усадьбы в Каменке стала жена Александра Львовича Давыдова - Аглая Антоновна Давыдова. Для поэта она могла обладать особой привлекательностью уже потому, что была дочерью французского эмигранта-роялиста, герцога де Граммона. Само звучание этого имени для Пушкина не могло не навевать грез любимого им галантного века, на культуре которого он вырос. Ситуация, сложившаяся в Каменке, была слепком с французского романа либертинажа: добродушный самодовольный муж, которого Пушкин сравнивал с шекспировским Фальстафом, его супруга - воплощенный соблазн. Она, по словам одного из родственников Давыдовых, "весьма хорошенькая, ветреная и кокетливая, как настоящая француженка, искала в шуме развлечений средства не умереть со скуки в варварской России. Она в Каменке была магнитом, привлекавшим к себе железных деятелей Александровского времени. От главнокомандующих до корнетов все жило и ликовало в Каменке, но - главное - умирало у ног прелестной Аглаи. Галантным играм своей супруги, которые велись прямо у него под носом, муж не препятствовал, может быть, не желая их замечать.

БИОГРАФИЯ

Роман с Аглаей Антоновной был кратковременным и, вероятно, до пошлости примитивным. От "кокетки записной" не следовало ждать избирательности и глубоких чувств. Ни об одной женщине Пушкин не писал так зло и беспощадно, как об Аглае Давыдовой. Видимо, пленявший его в культуре галантного века изящный цинизм оставался для него сферой чисто литературной. С этих пор Слово "кокетка" употреблялось Пушкиным в чисто уничижительном смысле. О романе с Аглаей Давыдовой он, в сущности, все рассказал сам в стихотворении "Кокетке" (1821 г.)

Байроническая поза человека, уже изжившего иллюзии и страсти, весьма характерна для Пушкина в период южной ссылки. Поэтому он так легко уравнивает в опыте лирического героя, которому за двадцать, с опытной тридцатилетней кокеткой. Тридцать лет для Пушкина были определенным порогом, отделявшим молодость от зрелости, а потому едва ли не рубежом старости.

БИОГРАФИЯ

Указание на возраст неверной возлюбленной - само по себе уже разрушение галантной схемы. Кроме того, в стихотворении с очевидной настойчивостью отвергаются все готовые романные клише "вечной любви". Обычно Пушкин испытывал благодарность к женщинам, даривщим ему любовь, здесь же - только горечь и озлобление. Поразительно, как рассчитаны его удары, вплоть до упоминания о "старшей дочери". Скорее всего, это негодование имеет своей причиной ревность, поводов для которой у Пушкина, видимо, было достаточно. Желая проверить силу своей власти над поэтом, кокетка решила вернуть завоеванное. В таких случаях в ход идут упреки: Пушкина особенно взбесили фальшивые проповеди о рыцарской любви. Он долго не мог успокоиться, и Аглае Давыдовой адресовано несколько злых эпиграмм, преимущественно французских (на русском, скорее всего, она не читала), а также известная эпиграмма "Иной имел мою Аглаю", которую он, с просьбой не показывать никому, послал в Петербург именно тем, которые должны были непременно ее обнародовать - Льву Сергеевичу Пушкину и П. Вяземскому. Следует признать, что в этом случае поэт поступил попросту неблагородно. В ту пору он был вспыльчив, ветрен и не раз совершал поступки опрометчивые, увлекаемый страстями. Для него история с Аглаей оказалась подобием дуэли, на которой он был обязан непременно уничтожить противника.

В 1833 г. после смерти мужа, Аглая уехала во Францию и детей своих обратила в

НА ЧТО ВДОХНОВИЛА

КОКЕТКЕ

И вы поверить мне могли,
Как простодушная Аньеса?
В каком романе вы нашли,
Чтоб умер от любви повеса?
Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет — не многим боле.
Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нем на воле;
Уж клятвы, слезы мне смешны;
Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Измены, верно, надоели;
Остепенясь, мы охладели,
Некстати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
С начала были мы друзья,
Но скука, случай, муж ревнивый...
Безумным притворился я,
И притворились вы стыдливой,
Мы поклялись... потом... увы!
Потом забыли клятву нашу;
Клеона полюбили вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись; до этих пор
Все хорошо, благопристойно,
Могли б мы жить без дальних ссор
Опять и дружно и спокойно;
Но нет! сегодня поутру
Вы вдруг в трагическом жару
Седую воскресили древность —
Вы проповедуете вновь
Покойных рыцарей любовь,
Учтивый жар, и грусть, и ревность.
Помилуйте — нет, право нет.
Я не дитя, хоть и поэт.
Когда мы клонимся к закату,
Оставим юный пыл страстей —
Вы старшей дочери своей,
Я своему меньшому брату:
Им можно с жизнию шалить
И слезы впредь себе готовить;
Еще пристало им любить,
А нам уже пора злословить.

На А. А. Давыдову

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом её стращая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?